

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПАМЯТИ

Москва, которую мы потеряли

Константин
МИХАЙЛОВ

УДК 904
ББК 63.3(2)
М 69

Оформление серии *П. Волкова*

Михайлов К.

М 69 Москва, которую мы потеряли / Константин Михайлов. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 496 с. : ил. — (Москва. Путеводитель памяти).

ISBN 978-5-699-43721-4

Нынешняя Москва — давно уже не Третий Рим. От былого Града Сороков остались лишь выцветшие фотографии и светлые воспоминания. Нынешняя Москва — город-инвалид, город-калека. И хотя сам факт массового уничтожения московских архитектурных памятников давно уже ни для кого не секрет — подлинные масштабы этого культурного геноцида потрясают: на протяжении XX века столица утратила **ДВЕ ТРЕТИ** своих шедевров! Только в Кремле были уничтожены 17 храмов из 31! И самое страшное, что процесс беспощадной «выруб-ки» города, начавшийся еще при Ленине, продолжается до сих пор.

Правда ли, что, когда взрывали храм Христа Спасителя, Л. Каганович воскликнул: «Задерем подол матушке-России»? Как погибли Симон-нов монастырь, Красные ворота, Сухарева башня и другие знаменитые шедевры? За что уничтожались величайшие московские святыни? Почему столица пострадала от советских людей больше, чем от иноземных захватчиков?

Эта книга — уникальный путеводитель по уже не существующей — разрушенной, снесенной, взорванной — Москве наших дедов и прадедов. Это — подробный и горестный рассказ об утраченном величии, о настоящей, подлинной Москве, которая, словно град Китеж, утонула в омутх безжалостной эпохи и беспощадного времени. Откройте эту книгу — взгляните, каким был наш великий город и каким он уже никогда не будет...

УДК 904
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-43721-4

© Михайлов К., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ОТ АВТОРА

В начале июня 2010-го, когда пишутся эти строки, ночью в Замоскворечье дежурят защитники Кадашевской слободы — следят, чтобы не приехали вновь экскаваторы «от инвестора» и не продолжили крушить остатки исторических построек вокруг храма Воскресения Христова. Идет борьба и за другие памятники, которым угрожает снос: Театральный дом художника Поленова на Зоологической улице, старинный комплекс Газового завода за Курским вокзалом, Круговое депо Николаевской железной дороги, дом в стиле модерн на Бутырской улице и многие другие. Идут прокурорские и милицейские разбирательства и даже судебные процессы о памятниках, погибших в недавнем прошлом: конторе Калининского завода на Русаковской улице, особняке XIX столетия на Суворовской улице, флигеле XVIII века в усадьбе Глебовых-Стрешневых-Шаховских на Большой Никитской... Жизнь продолжается, и в гуще всех этих событий — общественное движение в защиту исторических памятников Москвы «Архнадзор», в котором автор принимает деятельное участие.

Тем временем любезный издатель предложил мне вспомнить о потерях былых времен, объединив под одной обложкой избранные фрагменты пяти книг серии «Москва, которую мы потеряли», вышедших в свет в 2006—2007 годах.

Стоит ли вспоминать былые беды, когда и сегодня Москва нуждается в защите? Нужно ли разбирать архитектурные труды Сталина и Кагановича, когда сегодня их дело продолжают совсем иного пошиба люди?

К сожалению, нужно. Не осознав и не отвергнув ошибок и преступлений прошлого, мы неизбежно повторяем их в настоящем и будущем. Оставаясь равнодушными к ценностям московского наследия, мы продолжаем с легкостью жертвовать ими во имя интересов очередных застройщиков и «реконструкторов». Традиции бездумного или осмысленного и доходного вандализма живы. Необходимо их изучать и понимать причины их живучести. Иначе мы с ними никогда не расстанемся.

А памятникам Москвы, погибшим от рук преобразователей, конечно же, необходимо отдать дань уважения — хотя бы на бумаге. Ведь в них запечатлена и отпечатана была, как в пресловутой гоголевской каменной летописи, вся российская история.

Эта книга — не энциклопедия и не каталог погибших памятников Москвы. Для полного описания московских утрат советского и постсоветского времени нужны, к сожалению, многие тома. Поэтому здесь описаны далеко не все разрушенные памятники, а о тех, что описаны, сказано далеко не все, что можно было. Самым знаменитым посвящены подробные очерки, некоторым пришлось уделить всего несколько строк. Получился своего рода путеводитель по погибшей Москве.

Материал в книге расположен в соответствии со старинной московской топографией: Кремль, Китай-город (пространство между Кремлем и восточным полукольцом центральных площадей), Белый город (в границах Бульварного кольца), Земляной город (в границах Садового кольца), Замоскворечье, город в границах Камер-Коллежских валов (городская черта до 1917 года), окрестности старой Москвы.

Очерки о памятниках дополнены некоторыми новыми данными, хорошими и печальными новостями последних трех лет. Появились, увы, и новые адреса потерь. Это не научное издание, поэтому автор счел возможным не перегружать его сложной системой ссылок и громоздким справочным аппаратом. Но нельзя не упомянуть о двух «первопроходцах» темы столичных разрушений — историках Сергее Константиновиче Романюке, чья книга о московских утратах вышла в 1992 году и потому рассказывает о жертвах только советских времен, и Владимире Фотиевиче Козлове, чьи архивные изыскания позволяют документально воссоздать историю уничтожения старой Москвы в течение первых советских десятилетий. Ссылки на их работы читатель не раз встретит в этой книге.

Часть I

МОСКВА ПОГИБШАЯ И ПОГИБАЮЩАЯ

Кто умножает познания, умножает скорбь.

Книга Экклезиаста

XX век стал первым в истории России периодом сознательного уничтожения ее культурно-исторического наследия. К «обычным» факторам, угрожающим памятникам старины — бескультурью властей и граждан, экономическим проблемам, военным действиям и стихийным бедствиям, — добавились новые: политические императивы и взаимо-

связанный с ними культ творчества, безжалостного к традициям. Классовая борьба сразу после октября 1917 года была перенесена в сферу искусств. Россия и ее граждане стали осознаваться как расходный строительный материал и источник ресурсов для строительства «общества будущего». Историческая Россия и историческая Москва оказались в положении «пережитков прошлого», от которых необходимо было избавиться. Храмы и мемориалы прежнего строя должны были уступить место (в прямом, физическом смысле слова) символам нового общества и памятникам его достижений. Новая культура оказалась агрессивной и нетерпимой ко всему, что вольно или невольно составляло конкуренцию ее монументальной пропаганде. Оружием борьбы двух культур стали динамит и бульдозеры — конечно же, с одной стороны, памятники старины и их защитники оказались безоружны. Советское государство объявило войну собственной истории и вело ее очень эффективно, уничтожив сотни тысяч памятников русской старины.

Особенно болезненным превращение в «столицу мирового коммунизма» стало для Москвы, к 1941 году потерявшей уже половину историко-архитектурного наследия, дожившего до 1917-го. Уничтожение историко-архитектурных памятников Москвы можно рассматривать как проявление разрушительного культа «творчества», имеющего глубокие корни в нашем обществе. В рамках этого культа новое заведомо — в силу своей новизны и причастности к нему власти и «культурной элиты» — ценится выше подлинных старинных исторических ценностей. Не только архитектурных, но и всех остальных — культурных, моральных, социальных, политических. Весь период т.н. «реформ» 1990-х годов, приведших к упадку российского государства и общества практически во всех сферах, прошел, например, под лозунгами создания «новой России», «новой экономики» и т.п. Точно так же политические лидеры 1920—1930-х годов и обслуживавшие их «мастера культуры» и «инженеры человеческих

Обложка советского журнала «Крокодил». Январь 1951 года. Подпись под рисунком: «В недалеком будущем. — А вот, Танечка, уголок старой Москвы!» Тогда это казалось сатирой, сегодня — горькой иронией

душ» вздохнули и твердили о создании «нового общества», «новой культуры». И, конечно же, «новой Москвы», облик которой не могли уже определять никакие шедевры архитектуры прежних эпох. Ценности прошлого сознательно и безоглядно приносились в жертву «ценностям нового».

«Новую Москву» в XX веке принимались строить не раз — при Сталине, при Хрущеве. Фактически это же происходит и в наши дни, и соотношение ценностей прошлого и современности в умах градоначальников и архитекторов изменилось незначительно. Не зря же Ю.М. Лужков печатно утверждал, что в московской культуре копия имеет не меньший смысл и значение, чем оригинал. «Копии» строятся сегодня, это продукты но-

вой московской реальности. А «оригиналы» — наследие прошлого. Его уже не называют, конечно, мрачным и рабским, как семьдесят лет назад. Но от этого не легче, потому что оригиналов все меньше.

Проблема только в том, что «копии» не оригинальны. Их можно тиражировать до бесконечности. А полнота, разнообразие и прочность основ любой национальной культуры измеряются наличием оригиналов. Того, что не спутаешь, не подменишь и не купишь на строительном рынке. Того, что является для страны и ее народа существенным, аутентичным и подлинным. Именно поэтому во все времена и у всех народов оригиналы ценились выше подделок. А шедевры — выше подделок.

Глава 1

МЫСЛИ НА РАЗВАЛИНАХ ТРЕТЬЕГО РИМА

О ПОЛЬЗЕ РАЗГЛЯДЫВАНИЯ СТАРИННЫХ ФОТОГРАФИЙ

Москва не хуже, чем стакан, годится для иллюстрации общеизвестного парадокса о пессимисте и оптимисте. Этот город наполовину пуст или наполовину полон? Вопрос не из легких.

Кремль. Храм Василия Блаженного. Новодевичий монастырь. Церковь Вознесения в Коломенском. Храм Покрова в Филях. Меншикова башня. Пашков дом. Донской монастырь. Церковь Воскресения в Кадашах. Все цело. Стоит. И будет радовать, смею надеяться, наших внуков. Я перечисляю то, что сам нежно люблю. У каждого, наверное, в душе свой рейтинг московских шедевров.

Сухарева башня. Красные ворота. Симонов монастырь. Церковь Николы Большой Крест. Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле. Там же — собор Спаса на Бору. Стены и башни Китай-города. Церковь Успения на Покровке. Храм Иоасафа Царевича в Измайлове. Церковь Николы в Столпах... Всего погибшего в Москве — жалко. Но этого — жаль безмерно. Это шедевры (опять же, на мой личный взгляд) первого ряда. Они украсили бы любую из европейских столиц.

Посмотрите на их старые фотоснимки. Оцените изысканность линий, тонкость силуэта, гармонию пропорций. Даже глядя на фотографии, можно про-

чувствовать, ощутить то впечатление величественности и очарования, которое дарили обитателям окрестных пространств эти знаменитые московские здания. Слава не возникает на пустом месте, легенды не рождаются по указке свыше.

Глядя на эти старые фотографии, я когда-то понял, что нельзя верить расхожим фразам из учебников: об отсталости русской культуры, о том, что Россия всю

Сухарева башня — выдающийся памятник русского зодчества — до 1934 года стояла на пересечении Садового кольца и нынешнего проспекта Мира

свою историю только тем и была занята, что кого-то догоняла, у кого-то училась, у кого-то что-то перенимала. Весь этот мыслительный хлам, который и доныне с многозначительным видом изрекают иные историки и публицисты, не выдерживает сопоставления с одной-единственной фотографией церкви Николы Большой Крест или Сухаревой башни. В темной и суеверной стране такого никогда не создадут.

И всю эту веками создаваемую, приумножаемую и оберегаемую красоту и славу в Москве разрушили, причем — в это даже трудно поверить — за какие-то десять лет, с 1927 по 1936 год. Всего десять лет из тысячелетней московской истории, и город изменился в лице.

С тех пор прошло еще семьдесят с лишним лет, и город переменялся в лице еще не раз. В наши дни на него натягивают новую карнавальную маску — псевдоисторической декорации с бетонными стенами под узорочными наличниками. Слава Богу, шедевры пока не трогают. В сталинской Москве их тоже не трогали — до поры до времени...

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ

Позволю себе лирическое отступление. Расскажу, как я впервые усомнился в советской власти. Дело было еще в школе, тридцать лет тому назад. Я прочитал... нет, не самиздат про сталинские лагеря. В одном журнале я прочитал статью о снесенных архитектурных шедеврах Москвы. С картинками. Статья была по нынешним временам совершенно безобидная, без выводов, без обобщений, без документальных разоблачений. Но до сих пор удивительно, как ее тогда пропустила цензура. Потому что и без обобщений и разоблачений впечатление было страшное. Как? Вот это — разрушено советской властью и советскими гражданами? Не варварами, не иноземными оккупантами, не диверсантами, не стихийным бедствием? Разрушено не по случайности, не по оплошности, не под дулом пистолета у виска, а совершенно сознательно, обдуманно и даже радостно и с воодушевлением? Разрушено теми самыми людьми, чьими подвигами и достижениями нас учат в школе гордиться, чьими наследниками и продолжателями мы привыкли себя считать?

Привычный советский мир рухнул чуть ли не в одночасье. Вот тогда впервые зашевелился во мне червь сомнения. Вот тогда все и началось: и горечь, и боль, и горячее желание разузнать о погибших шедеврах как можно больше, и воскресить их хотя бы в собственном воображении, и рассказать об этом другим, и воздать дань благодарной памяти им самим и их создателям, и их защитникам...

Но все же и по прошествии стольких лет, и по прочтении сотен книг, статей и архивных документов об

истории разрушения памятников отечественной культуры в XX столетии — многое объясняющих, на многое открывающих глаза — с утратами шедевров невозможно примириться. И невозможно объяснить их какими-либо логическими, рациональными причинами.

О ПОЛЬЗЕ СРАВНЕНИЯ ПРИЧИН И СЛЕДСТВИЙ

Среди ревнителей московской старины до сих пор жива одна легенда. Смысл ее в том, что якобы в начале 1930-х годов ведущих реставраторов и ученых вызвали в Моссовет и попросили составить список лучших, самых ценных архитектурных памятников Москвы. На вопрос — зачем? — объясняли: чтобы не затронуть, чтобы обязательно сохранить их при начинающейся реконструкции города. Реставраторы и ученые составили такие списки и передали их в Моссовет, обрадованные заботой властей об историческом наследии. А когда реконструкция Москвы набрала ход, ученые и реставраторы с ужасом осознали, что шедевры уничтожают один за другим — аккуратно по составленному ими списку...

Правда это или нет, вероятно, уже нельзя дознаться. Но для нас это в данном случае и неважно. Легенда часто бывает правдивее действительности. Потому что лучше передает смысл происходящего.

История борьбы тогдашних защитников старой Москвы против уничтожения ее шедевров, позволю себе заметить, несколько однообразна. Меняются даты и фамилии, но развитие сюжета, не говоря уже о финале, в общем, одно и то же.

Объект (Сухарева башня, Китайгородская стена, Симонов монастырь, далее по списку) занесен во все мыслимые и немыслимые перечни памятников. Его изучают, устраивают к нему экскурсии, реставрируют, музеефицируют, рисуют перспективы развития. Маститые корифеи реставрации и искусствоведения публикуют о нем статьи и книги, не забывая восхвалить советскую власть, при которой впервые стали возможными и общественно востребованными реставрация, изучение объекта или открытие в нем музея. Видный историк Москвы Петр Сытин пишет в 1926 году: «Сухарева башня в течение двухсот лет прозябала. Ныне Советская власть возвратила ее к жизни в полном смысле этого слова, не только обновив капитальным ремонтом ее одряхлевшие члены, но и вдунув в нее живую душу». До сноса Сухаревой башни советской властью оставалось восемь лет...

Так вот, до поры до времени ничто не предвещает грозы. И вдруг в вечерней газете или в речи какого-нибудь второстепенного хозяйственника впервые звучит: надо снести. Снести, чтобы улучшить уличное движение, или улучшить городской вид, или расчистить мес-

Общий вид Москвы. Рисунок из «Альбома Мейерберга», дипломата Священной Римской империи, посетившего Москву в 1661—1662 гг.

то для постройки чего-нибудь крайне необходимого пролетарской столице.

Корифеи улыбаются. Надо же, какие встречаются еще у нас неграмотные и недаленовидные хозяйственные деятели. Не понимают, что городские проблемы всегда можно решить, не уничтожая памятников старины. Корифеи сочиняют для газет снисходительные реплики. И.Э. Грабарь пишет о проекте сноса Сухаревой башни: «На этих днях выплыл один, особенно неприемлемый по своей явной нелепости: проект сноса Сухаревой башни. Не пугайтесь, читатель, не более не менее как Сухаревой башни! При этом не в шутку, а всерьез. Вы допускаете, чтобы в один прекрасный день вздумали уничтожить картину Рафаэля, рукопись Бетховена или Гете?»

Дело затухает на время, иногда на несколько лет — и вдруг! — на стол корифеям, заседающим в ученых комиссиях, ложится бумага с гербом. По решению Моссовета! Снести! В целях упорядочения уличного движения!

Это уже всерьез. Ученые, эксперты и реставраторы бросаются в бой. Пишут жалобы во ВЦИК республики. Пишут письма Сталину. Приводят десятки исторических, культурных и художественных аргументов. Ссылаются на Ленина, приказавшего когда-то застеклить выбитое окно в кремлевской церкви. Убеждают власти, что все проблемы можно решить гораздо дешевле и проще, и ничего не надо ломать. Разрабатывают проекты организации движения транспорта, расширения улиц, подземных тоннелей, на худой конец — передвижки шедевра на соседний пустырь... И вдруг корифеи понимают, что разговаривают с пустотой. Пустота не понимает, о чем они с ней говорят. Они вопиют о художественной ценности, пустота — о расширении проездов или необходимых ей стройматериалах. Они умоляют пощадить древний храм — им отвечают: его надо снести, чтобы поставить на его месте киоск Мосгорсправки. Они просят сохранить другой храм — им отвечают: нельзя, из-за него деловой человек теряет драгоценные секунды, потому что сходит с тротуара на мостовую.

И наконец товарищ Сталин — истина в последней инстанции и последняя надежда корифеев — отвечает им, что советские люди сумеют выстроить более величественные сооружения, нежели Сухарева башня.

Диалог с пустотой заканчивается. Шедевр взрывают или разбирают. Спустя некоторое время выясняется (и даже признается самими властями или их газетами), что жертва была напрасной. Уличное движение ничуть не улучшилось, расчищенный участок в центре города пустует затем десятки лет, киоск Мосгорсправки появляется совсем в другом месте. И тут пустота признается в ошибках. Она говорит: мы недодумали. Конечно, нельзя просто снести Красные ворота и думать, что все на площади наладится. Нет: надо снести еще соседнюю церковь Трех Святителей и дом, где родился Лермонтов, — вот тогда все будет очень хорошо.

История повторяется. Повторяются и ее закономерности. Пустота не принимает и не обсуждает рациональных контраргументов и альтернативных путей решения поставленных ею проблем. Пустота стремится к цели разрушения не мытьем так катаньем. Достигнув ее, она не успокаивается и ищет новые жертвы. Заявленные изначально цели и причины сноса шедевров пустота тут же забывает или заменяет другими. На месте Страстного монастыря так и не появляется никакого Дворца литературы. Участки храмов Николы Большой Крест и Успения на Покровке пустуют до наших дней. Шедевры заменяются пустырями. Действия пустоты на первый взгляд необъяснимы, безумны.

Но может быть, пустота не так пуста, как кажется? И не так уж безумна — просто об истинных целях своих предпочитает не говорить?

О ПОЛЬЗЕ ТЕОРИИ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ

С тех пор, как старец Филофей, монах Спасо-Елеазарова монастыря, затерянного меж лесов и болот неподалеку от Пскова, сформулировал теорию «Москва — Третий Рим, а Четвертому не бывать», наши соотечественники беспрестанно сопоставляют судьбы, образы и черты Рима, Константинополя и Москвы. Параллели, безусловно, прослеживаются. Это большая отдельная тема, и мы не будем в нее здесь углубляться.

Удивительно вот что: прослеживая те или иные отдельные похожие черты устройства Второго и Третьего Римов, Константинополя и Москвы, историки поразительным образом проходят мимо сходства их исто-

Проект высотного здания по соседству с Кремлем. Середина XX века

рической судьбы. Как известно, Константинополь был захвачен турками в 1453 году и превращен из столицы Византийской империи в столицу империи Османской. Но объявить чужую столицу своей и действительно сделать ее таковой — совсем не одно и то же. Захваченный турками город был визуальнo чужим и чуждым. Всюду высились купола христианских храмов, кресты, мемориальные колонны императоров. Это была иная слава, иная история, иная философия, овестьствованная в камне. И эти камни говорили. Туркам потребовалось почти полтора столетия, чтобы перекодировать захваченный город на свой манер. Напомним вкратце, что они для этого сделали.

Они закрыли почти все христианские церкви города. Вместо колокольного звона улицы и площади оглашали теперь крики муэдзинов. Главную святыню Константинополя — собор святой Софии — они превратили в мечеть, пристроили к ней минареты — так, чтобы храм мечеть напоминал и внешне. То же превращение пережили десятки больших и малых городских церквей и монастырей. Десятки храмов, стоявших на выигрышных местах, представлявших собою архитектурные доминанты города, были снесены до основания. На их месте выросли мечети. Колонны императоров были низвергнуты. Греческие названия улиц, площадей и районов города были заменены турецкими. И, наконец, само имя Константинополя было стерто с географических карт, уступив место Стамбулу.

А теперь, любезный читатель, давайте положим руку на сердце и спросим себя: нам это ничего не напоминает? Не наш ли город преобразовывали подобным образом из первопрестольного града Российской империи в столицу мирового коммунизма? С той, впрочем,

разницей, что на перекодировку Москвы большевикам понадобилось не 150, а каких-нибудь 15—20 лет. Напомним вкратце, что они для этого сделали.

Они закрыли почти все православные церкви города. Особенно тщательно боролись с колокольным звоном — вместо него улицы и площади оглашали теперь бравурные марши и речи вождей из репродукторов. Главный храм города — храм Христа Спасителя — взорвали, чтобы построить на его месте исполинский символ нового коммунистического царства — Дворец Советов. Десятки церквей были перестроены до неузнаваемости — с них снимали кресты, сносили колокольни и главы, сбивали декор, отламывали апсиды — так, чтобы здание ничем уже не напоминало православный храм. Десятки других

церквей и монастырей, стоявших на выигрышных местах, представлявших собою архитектурные доминанты города, были снесены до основания. На их месте построены рабочие клубы, школы и другие источники «пролетарской культуры». В крайнем случае, если церковное здание не доходило руки снести, его отгораживали от улицы новой постройкой или сверху донизу занавешивали лозунгами. Монументы императоров были низвергнуты. Старинные названия улиц, площадей и районов были заменены советскими. Вот только городу не удалось дать новое имя: вопрос о переименовании Москвы в Сталинодар некоторое время обсуждался, но решение так и не было принято...

Параллель эта, как и любая другая, в какой-то мере условна. Москву в 1917 году не захватывали иноземные завоеватели. Но то, что к власти в стране пришли люди, желавшие построить в ней принципиально иную цивилизацию, вернее сказать, люди, желавшие пожертвовать оказавшейся в их власти страной для строительства нового коммунистического мира, — сомнений в этом нет. Достаточно почитать документы 1920—1930-х годов о превращении Москвы в столицу мирового коммунизма и «центр мировой пролетарской революции».

В таком контексте судьба старинных московских шедевров, навязчивое стремление новой власти уничтожить их под любым предлогом, не слушая никаких аргументов, становятся абсолютно понятными. С точки зрения воплощения в архитектуре «красной Москвы» политических идей коммунизма Сухарева башня или Красные ворота, не говоря уже о величественных храмах, на видных городских площадях выглядят абсолютно неуместно. Им сначала предъявляют политические обвинения (Сухарева башня оказывается памятником

реакционному полковнику, который зверски подавил стрелецкий бунт; Красные ворота — выражением верноподданнических вкусов реакционного купечества и т.п.), а затем уничтожают. Вспомним и довод, предъявленный в 1931 году при выборе места для символа новой коммунистической веры: «С идеологической стороны следует признать лучшим местом для постройки Дворца Советов храм Христа Спасителя».

И даже Кремль, сохраняемый, как архитектурный комплекс, новая власть все время норовила «нейтрализовать», подавить, лишить зрительного статуса архитектурной доминанты города. Отсюда беспрестанные проекты строительства новых циклопических зданий по соседству с Кремлем — как осуществленные (Дом на набережной), так и, к счастью, несбывшиеся — Дворец Советов, высотный Дом Наркомтяжпрома в Зарядье, Пантеон на Красной площади, гигантская статуя Сталина на Сенатской башне Кремля, используемой в качестве постамента.

С эстетической точки зрения судьба шедевров оказывается опять-таки предпрешенной. Похоже, что чем выразительнее, ярче и художественнее выглядел старинный памятник, тем меньше у него было шансов уцелеть. Своей красотой и изяществом он невольно «агитировал» за старый режим и, более того, резко контрастировал с убожеством большинства построек новой «пролетарской архитектуры». Природа не терпит пустоты, а пустота не терпит конкуренции.

Поэтому сносятся многие только что отреставрированные, сияющие обновленной красотой памятники архитектуры — с экономической точки зрения логики тут обнаружить нельзя. А с идеологической она несомненна. Вспомним Оруэлла: министерство правды переписывает и фальсифицирует старые газеты и фотографии, приводя их в соответствие с новой генеральной линией. Зачем? Чтобы не осталось первоисточников, чтобы не с чем было сравнить. Тоталитарная власть боится сравнений. Потому что сравнение — это всегда теоретическое допущение иной модели, иного пути, иной версии.

Кстати говоря, расправа с архитектурным наследием прошлого чем-то напоминает аналогичную «зачистку» в других сферах искусства и общественной жизни. С помощью политических и силовых аргументов «пролетарские» писатели, поэты, художники, философы, историки 1920—1930-х годов были постепенно избавлены от конкуренции со стороны настоящих философов, историков, художников и писателей.

Так что пустота, как мы видим, оказывается весьма содержательной. У нее была строительная программа, которая требовала предварительной программы разрушения. Об этом пустота оставила наглядные документальные свидетельства — стройку Дворца советов на

месте храма Христа Спасителя, Дворец культуры Завода имени Сталина на месте Симонова монастыря. И пустыри на месте других прославленных шедевров.

О ПОЛЬЗЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПРОГРЕССУ ОБЩЕСТВА

Нужно пояснить, почему наша служба — охрана памятников — столь проблемна, причем не только в России. Потому что охрана памятников есть сознательное противостояние общественному прогрессу. Если понимать этот прогресс как постоянное и вполне оправданное стремление человечества к развитию, обновлению и совершенствованию всех сфер человеческого существования. В том числе и той среды, в которой человечество обитает. Вокруг нас — вовсе не сознательные враги исторического наследия. Они желают жить в новых просторных квартирах, работать в новых удобных офисах, разъезжать в новых автомобилях по широким новым дорогам и парковать их на просторных автостоянках. Осуждать сограждан за эти желания, как и за желание строить новые здания и зарабатывать таким образом деньги — бессмысленно, на то они и люди.

Нужно только понимать, что в этих условиях физическое сохранение в неизменном виде каких бы то ни было зданий, кварталов, городских видов, элементов планировки и всего прочего, что мы называем архитектурным наследием, возможно только насильственным путем. Противостояние прогрессу иным не бывает. Закон об охране памятников, применяемый на деле, реальный контроль за его выполнением — это насилие над чиновниками, инвесторами, арендаторами, частными владельцами, архитекторами и т.п. Он ограничивает их собственническую, хозяйственную, предпринимательскую, творческую волю. Это, впрочем, относится к любому закону, который всегда кого-либо в чем-либо ограничивает.

Так вот, бесполезно осуждать людей, которые эту волю демонстрируют. Но затем и существует государственная власть, чтобы останавливать эту волю законным насилием — если предпринимательские или творческие порывы угрожают культурным и историческим ценностям. Но когда власть не исполняет этого своего высокого предназначения, когда город превращается в исторический конструктор, в котором можно на взаимовыгодных условиях заменять старинные здания новодельными бетонными копиями, а предводитель этой власти уравнивает в программной статье копии с оригиналами... Кажется, Талейрану приписывают крылатую фразу — «это больше, чем преступление — это ошибка».

Подлинники, оригиналы — а это и есть памятники старины — ценны не только архитектурными достоинствами или мемориальными воспоминаниями. Подлинники есть вещественные доказательства исторического существования и развития нации. Связь времен, преемственность поколений, обязанность сохранять и передать по эстафете историческое наследие и прочие возвышенные слова перестают быть абстракциями и пустыми лозунгами, если мы можем прикоснуться к стене храма или дома, будучи уверены, что к этой самой стене могли прикоснуться наши прапрадеды. И тот же самый узорочный наличник радовал их глаз своими упругими формами. А если под этим наличником мы обнаружим монолитный бетон — все высокие слова превращаются в бессмыслицу, в обман, в нигилизм, отрицающий все подлинные ценности.

Уничтожение архитектурных и исторических подлинников прошлого — в Москве и по всей России — примерно та же операция, которая осуществляется

ныне в отечественной историографии с помощью т.н. «школы Фоменко». Ярослав Мудрый равен Батью, Новгород — Ярославлю, московский царь — египетскому фараону. Монолитный бетон уравнивает палаты XVII века с офисом конца века XX-го, мемориальный дом драматурга Сухово-Кобылина с его вновь выстроенной копией, новодельный храм Христа Спасителя с настоящим. Подлинной истории не было. Подлинная история не нужна. История пишется, делается и строится заново. На наших глазах. С чистого листа. Важен и действителен только сегодняшний день, прожитый под мудрым и эффективным руководством сегодняшней власти.

Вот почему так упоительна в России охрана памятников старины. Вот почему в ней нельзя не участвовать, несмотря на численное и административное преимущество оппонентов. Здесь, может быть, тот же принцип, что был когда-то в олимпийском движении: главное — участие. Главное, на чьей ты был стороне.

С ломом — или против лома.

Глава 2

ВЛАСТЬ УТОПИИ

Несомненно, буржуазия и мещане поднимут вой — большевики, мол, оскверняют святыни, но нас это меньше всего должно беспокоить. Интересы пролетарской революции выше предрассудков.

Яков Свердлов. 1918

НЕ РИМ

Однажды я, наверное, в сотый раз смотрел фильм «Римские каникулы», и оттого больше следил не за Одри Хепберн с Грегори Пеком, а за декорациями, на фоне которых разыгрывалась их трогательная история. На экране сменяли друг друга фонтан Треви, замок Ангела, собор Святого Петра, Капитолийский холм, Испанская лестница, набережные Тибра, пьяцца дель Пополо... И вдруг поймал себя на мысли: Боже мой, ведь этому фильму лет пятьдесят, а Рим в нем все тот же. Ну разве что изменились марки автомашин, покрой одежды и стиль вывесок, туристов стало заметно больше на улицах. Но город не меняет лица. Ни небоскребов в центре, ни офисов из стекла и бетона.

Повезло римлянам? Конечно. Но можно сказать и по-другому: Риму повезло с римлянами, они его берегут

и любят. Линий метро, кстати, в столичном городе Рима всего две, с одной пересадочной станцией. Боятся они, видите ли, подкапываться под свои древности.

А Москва? Ей же тоже под тысячу лет, и мы должны ее ценить и охранять не менее чем итальянцы — Рим или французы — Париж. Но, если бы нас забросили на полвека в прошлое, мы, боюсь, свой город узнали бы с трудом. А если лет на восемьдесят, то вообще не поняли бы, где оказались. И проходя мимо десятков красивых, но не знакомых храмов, мимо классических дворцов с белоснежными портиками, мимо парадных триумфальных ворот, мимо средневековых крепостных стен, спрашивали бы себя: «Это — Москва?»

Это — Москва. Только не та, которую мы знаем с детства. Это была настоящая Москва. Старинная, белокаменная, «первопрестольная», легендарная Москва, которая дожила до середины 1920-х. А потом ее начали

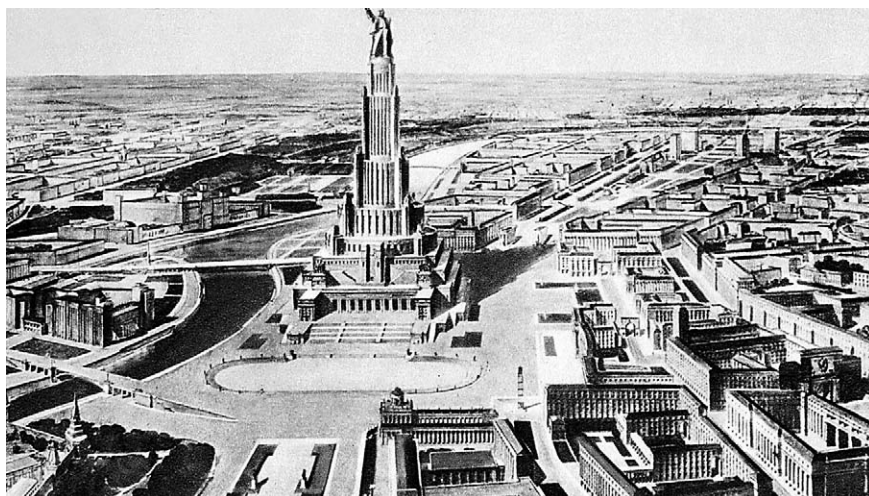
крушить во имя светлого будущего.

И продолжают крушить до сих пор. Представления о светлом будущем изменяются от эпохи к эпохе, а вот жертвы, ему приносимые — все те же: памятники московской старины. Историческое наследие, которым в Европе, не говоря уж об Америке, гордятся, которое оберегают, восстанавливают, приспособливают к новым жизненным функциям — в России уничтожают с бездумной легкостью. Территория исторической Москвы в границах XVIII века занимает семь процентов от современной, но именно на этих семи процентах продолжается бесконечная и безжалостная «реконструкция». Не зря же нынешние «отцы города» нас поучают: Москва — не Рим. Это точно. Уже — не Рим.

Почему автор описывает только разрушения после 1917 года? Безусловно, старые дома и даже храмы разбирали в Москве задолго до революции. Причины этого были разнообразны — ветхость построек, невежество их хозяев, желание следовать архитектурной моде, новые эстетические воззрения, наконец, не развившиеся еще представления о памятниках старины и необходимости их сохранения. Но никогда старую Москву не разрушали именно за то, что она старая. Ни один монарх или градоначальник не призывал соотечественников отряхнуть прах старого мира со своих ног или выбросить на свалку истории «остатки рабского прошлого». Ни при каких обстоятельствах памятники старины не воспринимались властями как участники политической борьбы, а их защитники — как идеологические противники. Все это началось именно в советское время. И, к сожалению, не закончилось.

ПОЧЕМУ ЖЕ ОНА МЕШАЛА?

В советское время Москве не повезло. Столицей мирового коммунизма, столицей великой державы, транзитным пассажирским узлом, большим распределителем, где относительно доступен прилавок, — чем угодно была она для миллионов людей, но не историческим городом, чьи облик и красоты нужно было беречь как зеницу ока. Увы, Москва сразу стала полигоном для политических, социальных и архитектурных экспери-

Центр Москвы по «сталинскому» Генеральному плану 1935 года. Проект Дворца Советов и планировки окружающей местности. 1938. Зритель смотрит на дворец со стороны исполинского проспекта, в который превращена Моховая улица. У подножия дворца, на краю огромной площади — крошечный дом Пашкова

ментов, опытной стройплощадкой для разнообразных новаторов, со смехом отбросивших в сторону, например, разработанный группой интеллигентов-академиков во главе с А.В. Шусевым план «Новой Москвы» (1924), который предлагал разумные и перспективные пути ее развития, но оберегал архитектурные сокровища. И что академики, профессионалы архитектуры и градостроительства, услышали о своем плане? «Детище части старой интеллигенции, еще не успевшей перевариться в советском котле».

Цифры столичного архитектурного мартиролога, они же сводки потерь — воистину скорбны. С 1917 по 1941 год столица потеряла половину своих историко-архитектурных памятников. Это данные специальной комиссии тогдашней Академии архитектуры. Одних церквей в нынешних московских границах, по подсчетам краеведов, с 1917 по 1989 год погибло 368, и это только те, которые были полностью разрушены. Представьте воочию: триста шестьдесят восемь храмов. Что там Рим... По самым скромным подсчетам, в советское время в Москве разрушено около 700 памятников архитектуры и около 3 тысяч зданий исторической застройки. Согласно официальным данным, в 1950—1980-е годы в Москве было снесено 2200 исторически ценных зданий, в том числе с 1976 года — 805. В 1976—1990 годах Комиссия по вопросам сохранения зданий в исторических районах Москвы рассматривала вопрос о сносе 2575 зданий, разрешила снос 1360 — эти цифры свидетельствуют о размахе реконструкции последних советских десятилетий. Счет исторических потерь 1990—2010 годов также идет на сотни, но об этом чуть позже.

План «Новая Москва» (1918—1924), разработанный под руководством академика архитектуры Алексея Шусева, отличался бережным отношением к историческому наследию Москвы. Поэтому он и был отвергнут.

Нет в советской истории Москвы ни одного года, когда бы на ее старину успешно не покушались. Кремль, центральные улицы, окраинные монастыри, дворянские гнезда, приходские церквушки, крепостные стены — все это раз за разом подвергалось атакам «новой жизни». На знаменах этих атак написаны были разные слова, но победный клич почти всегда был один и тот же: «Нет той старины, которая нам мешала переделывать Москву старую в Москву социалистическую» (слова одного из ораторов на I съезде советских писателей в 1934 году).

Почему же она мешала? И кому?

«ВСЕМ ВСЕ БЫЛО ЯСНО, ЧТО БЫЛО УДИВИТЕЛЬНО»

Лес рубят — щепки летят, ошибки признаны, перегибы выпрямляются — вот лейтмотив многочисленных статей и книг о реконструкции Москвы в советское время. От нашего времени лейтмотив отличается тем, что пока никакие ошибки не признаются, а «перегибы» выдаются за теоретические озарения... но мы снова забежали вперед.

Спорить с постулатами «живой город — не музей», «надо о людях думать, а не о камнях» — бессмысленно, дискуссию нельзя вести на почве демагогии. Что есть на первый взгляд «реконструкция Москвы» в советское время? Не что иное, как непрестанное удовлетворение растущих appetитов неразлучной троицы ненасытных птенцов городского организма, пожирающих ресурсы

и средства, пространство и время с невероятной скоростью. Имена тех птенцов — Промышленность, Транспорт, Жилье.

Краткий экскурс в области, далекие от Архитектуры, надеюсь, позволит нам лучше понять судьбу ее великолепных детищ, оказавшихся в советской Москве ненужными и убогими сиротками. Какие только предприятия не возникли на экономической карте Москвы в XX веке! А с чего бы это в городе, исторически (т.е. естественно-экономически) развивавшемся как центр торговли, культуры и легкой промышленности, стали вдруг в советское время выплавлять сталь, перерабатывать нефть и развивать «большую химию»?

«Мы из Москвы «ситцевой» строили Москву индустриальную», — отвечает нам в своих воспоминаниях советский лидер Никита Хрущев.

Вероятно, планы экономического развития страны того требовали? Но Хрущев продолжает: «Тут вопрос связывался еще и с тем, что «ситцевая» Москва, мол, порождает правые настроения, и что отражали идеологию «ситцевой» Москвы Угланов, Уханов и другие оппозиционеры». Хрущеву приходится доверять — он и Москвой руководил, и страной, планы партии и правительства не из газет узнавал. Оказывается, Москва стала промышленным гигантом в силу идеологической химеры.

Нетрудно догадаться, что десяткам новых предприятий нужны рабочие, десяткам управляющих ими наркоматов, главков, трестов и прочих контор нужны служащие, а пролетарии и клерки нуждаются в крыше над головой. Здравствуй, товарищ жилищный кризис?

Конечно, дореволюционная Москва не напоминала рай божий на земле — ночлежки, притоны, рабочие казармы, бараки ее не красили. Но радикальное преобразование «ситцевой» Москвы сделало жилищную проблему хронической. Ее пытались лечить строительством нового жилья, но... странное дело, некоторые бараки и «клоповники» благополучно дожили до наших дней, а взрывчатку закладывали под храмы. Добиваясь их сноса, доказывали с пеной у рта, как храмовый участок жизненно необходим городу для нового строительства — а после взрыва оставляли на десятилетия пустырь... Где логика?

Жилищной проблемы в целом социалистическая реконструкция 1930-х годов не решила. Москвичи жили

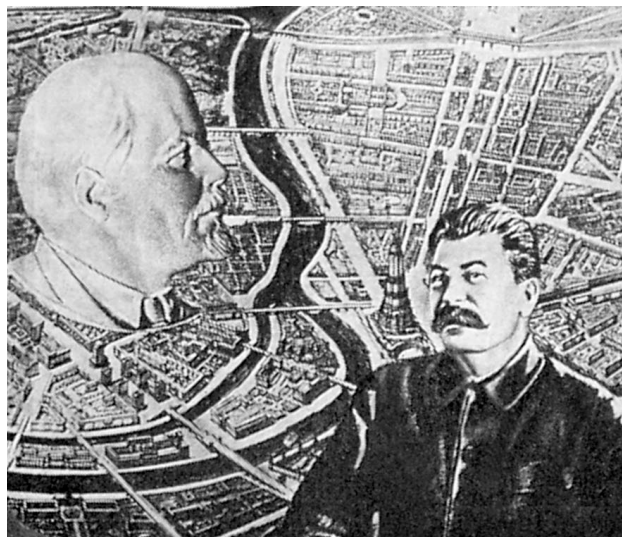
в бараках вплоть до хрущевских пятиэтажек, которые возводились за пределами старого города. Что же касается конкретных благ, которые несла трудящимся реконструкция Москвы в самый ее разгар, задумаемся над словами бакинского архитектора С.А. Дадашева, прозвучавшими в 1940 году на пленуме Союза советских архитекторов: «В Москве существует специальное постановление, в силу которого можно выселять граждан без предоставления им жилой площади, с определенной денежной компенсацией, а мы в Баку такого положения не имеем». Это означает — открытым текстом, — что москвичей реконструкция выбрасывала на улицу.

Концепции московских реконструкций разрабатывали не столько специалисты, сколько вожди. Об уровне обсуждения Генерального плана Москвы 1930-х годов «в верхах» мы можем судить по воспоминаниям архитектора Кольмана, члена комиссии по его разработке, представшего в числе многочисленной «архитектурной команды» перед очами вождей на специальном совещании в ЦК ВКП (б) 14 июля 1934 года: «Наш проект был заранее роздан, Каганович лишь очень сжато доложил об основных принципах плана... Сталин спросил, есть ли вопросы, но никаких вопросов не было. Всем все было ясно, что было удивительно, так как при громадной сложности проблем нам, членам комиссии, проработавшим не один месяц, далеко не все было ясно...»

Сталин одобрил проект. Как говорил в те времена Каганович, «план, подписанный товарищем Сталиным, не может быть не выполнен». Оказалось, слава Богу, что может. Если бы он был выполнен полностью — от старой Москвы вообще ничего не осталось бы. Только Кремль в окружении новых исполинов. Но и частичное его исполнение обошлось Москве необычайно дорого.

Что же касается транспорта — понятно, что искусственное промышленное развитие и стимулированный им неестественно быстрый рост населения не могли не усугубить проблем городских коммуникаций. Самые великолепные памятники Москвы — Сухарева башня, Красные ворота, Триумфальная арка у Тверской заставы и многие другие — были уничтожены под предлогом улучшения уличного движения, хотя в каждом конкретном случае архитекторы-профессионалы находили компромиссное решение транспортных проблем, позволявшее сохранить памятник. Сносить целые кварталы для расширения улиц в советской Москве продолжали «до последнего», попытка достроить «третье кольцо» в 1986 году уничтожила несколько кварталов Немецкой слободы и едва не погубила Лефортово...

Так что же — памятники уничтожила топорная по исполнению, но все же необходимая Москве реконструкция? Ответ ожидаемый, но наивный. Чем мешали

Товарищ Ленин не узнал бы Москвы товарища Сталина. Обложка официального издания материалов Генерального плана Москвы 1935 года

преобразованию города монастыри и церкви, взорванные в сохранявшемся как архитектурный комплекс Кремле? Какая нужда была все-таки в сносе великолепных храмов, если на их месте до сих пор пустыри с чахлыми сквериками? Почему Дворец культуры Завода имени Сталина нужно было обязательно построить на месте взорванного Симонова монастыря, а не рядом с ним? И что общего с реконструкцией города имел снос колоколен и куполов, если их изуродованные здания продолжали занимать площадь, без которой город якобы задыхался? Нет, глубже таятся причины московской гибели.

СОБЛАЗН АТЕИЗМА

Воинствующие безбожники порушили в Москве очень много. Две яростные волны борьбы с религией (в начале 1930-х и в начале 1960-х) унесли не один десяток храмов. Обнаруживая в довоенных атеистических журналах откровения вроде «Художественные музеи-храмы, монастыри в большинстве случаев являются своеобразными очагами религиозных настроений» или характеристику чудом не сданной тогда в металлолом часовни — памятника героям Плевны у Ильинских ворот: «поповская мерзость», понимаешь, например, почему в 1930 году рабочие Пролетарского района Москвы ходили на воскресники разбирать руины Симонова монастыря под лозунгом «Построим на месте очага мракобесия очаг пролетарской культуры!»

Введенский собор Новинского монастыря, прекрасный образец русской архитектуры семнадцатого столетия. Находился на месте современного владения 32 по Новому Арбату. Снесен в 1930-е годы, как и сотни других московских храмов. Рисунок середины XIX века

Но на воинствующих безбожников возложить всю вину за гибель старой Москвы невозможно. К концу 1930-х кавалеристы-атеисты несколько уgomонились, а после войны, в ходе которой государству пришлось «помириться» с церковью, о них и вовсе на время позабыли. Но ломка старого города продолжалась столь же активно. К тому же не щадили и светские памятники — Китайскую стену, Сухареву башню, палаты Голицына. Значит, дело не в атеистах.

ПОЭМА В КРАСНЫХ ЛИНИЯХ

Москва до недавнего времени фактически жила по генплану 1935 года, перечеркнувшему реальную старую Москву. Оттуда, из 1935-го, и все основные магистрали, и «третье кольцо», и следующие «кольца», которые все порывается построить нынешнее столичное правительство.

Генплану 1935 года самое точное имя — поэма, на книжной полке стоять бы ему в одном ряду с «Утопи-

ей» и «Городом Солнца». Проспекты, площади, залитые солнцем пространства — нет, невыразимо это словами. Даже сквозь официальные строки постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о генеральном плане Москвы прорывается этот горделивый и всепокрушающий пафос: «...чтобы строительство в столице СССР и архитектурное оформление столицы полностью отражали величие и красоту социалистической эпохи». Не для обывателя, не для обычного человека предназначался этот город. Вспомним фразочку Кагановича, стоившую жизни Воскресенским воротам и едва не смахнувшую Василия Блаженного: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь». Город — вечный праздник, город — арена для торжествующих шествий, коммунистический храм с исполинским алтарем — Дворцом Советов — вот что такое сталинский генплан 1935 года.

Подробности очаровывают и ужасают одновременно. Проспекты шириною в 60 метров на месте старинных улиц, 100-метровая статуя Ленина на 315-метровой высоте. Площадь размером в 45 гектаров. Утопии помешали война и нехватка средств. До созидания, как водится, не дошло, зато разрушители порезвились на славу.

Пропагандисты 1930-х исписали, наверное, миллионы страниц на тему, каким убогим и провинциальным городишком была Москва до 1917 года, каким сверкающим городом станет она теперь, когда коммунистическая власть взялась за нее со своим генеральным планом 1935 года, как Москва преобразится, расцветет и настанет в ней жизнь совсем хорошая.

Заметим, кстати, что таков же лейтмотив пропагандистов нынешней «реконструкции Москвы», как будто они в юности конспектировали Кагановича. Все то же: в начале 1990-х, на заре «эпохи Лужкова», Москва была грязным, обшарпанным, допотопным, разваливающимся городом, а вот теперь она — европейская столица со сверкающими витринами, сияющими куполами, широкими улицами... И без десятков исторических зданий, погибших ради удовлетворения хозяйственных и творческих амбиций властей и инвесторов, добавим мы. Но дело даже не в этом, а в общей философии «реконструкторов»: подлинная история начинается с них, до них царствуют мрак и тьма. Но они — носители преобразовательного огня — приносят лучи света в темное царство, и разворачивается титаническая борьба за переустройство негодного (все равно чего — государства, города, района). А после них приходится подсчитывать общественные потери (в том числе и культурного наследия) — в общем, считать раны, товарищей считать. Но тут приходят новые хранители преобразовательного огня, и сказка начинается с начала...

ГДЕ ЖИВЕТ ПРОЛЕТАРИАТ?

Самый точный диагноз происходившему в городе мы обнаруживаем, пожалуй, в «Вечерней Москве» 1930 года, в статье некоего В. Блюма, зовущей «убрать «исторический» мусор с площадей»: «Улица, площадь — не музей. Они должны быть всецело нашими. Здесь политически живет пролетариат. И это место должно быть очищено от... векового мусора — идеологического и художественного».

То, что пролетариат «политически живет» на улице — не пропагандистский бред. В этом и других откровениях прессы тех лет — «гигантские задачи по социалистическому строительству и новому строительству Москвы... требуют четко выраженной классовой, пролетарской архитектуры», «давно пора поставить вопрос о создании в плановом порядке комплексного архитектурного оформления города, выражающего идеологию пролетариата и являющегося мощным оружием классовой борьбы» — есть своя логика.

Болезненная, конечно. Симптомы болезни проявились уже в 1918-м, в ленинском декрете о «снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг». Речь в нем шла о скульптурных монументах, но смысл тот же: «не наше — убрать». Ленину принадлежит и одно показательное высказывание. Оно было адресовано А.В. Луначарскому, в отчаянии подавшему в отставку с поста наркома просвещения в большевистском правительстве в знак протеста против бомбардировки Московского Кремля красногвардейской артиллерией в октябре 1917 года. «Как вы можете придавать такое значение тому или иному старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?» — сказал тогда Владимир Ильич. Эти слова поразительно совпадают с аргументом Сталина, который тот пятнадцать лет спустя преподнес защитникам сносимой Сухаревой башни: «Советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества».

И когда в наши дни какой-нибудь ответственный руководитель отвечает на упрёки защитников старины, что на месте снесенного здания будет построено нечто более красивое и великолепное — знайте, чьи слова он на самом деле повторяет.

Товарищ Сталин был лучшим другом не только советских физкультурников, но и советских ценителей искусства. У входа в Третьяковскую галерею. Фотография 1947 г.

В СТОЛИЦЕ ТРЕТЬЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

О Третьем Интернационале, заменившем нам Третий Рим, написано уже много. Принято говорить об этом почему-то с усмешкой, взирая с наших «зияющих высот» на наивные коммунистические утопии. Да помилуйте, какая же это утопия, если мы и в XXI веке живем во вполне реальной ее столице!

Судьба старой Москвы решилась в тот краткий отрезок времени, когда русская история исчезла из школ, когда Минина и Пожарского величали представителями боярского торгового союза на предмет удушения крестьянской войны. «Комсомольский поэт» Джек Алтаузен, например, прямо советовал:

Я предлагаю Минина расплавить.
Пожарского зачем — на пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить —
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно мы им не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Расею!
А может, было б лучше не спасать?

Храм Христа Спасителя в те же годы объявляется «военно-монархическим памятником», построенным «для прославления представителей эксплуататорских классов, для культа милитаризма и шовинизма».

Москва уже не могла больше быть столицей России. Пленум ЦК ВКП(б) еще в 1931 году поставил задачу чет-

1918 год. Низвержение памятника императору Александру III, который находился возле храма Христа Спасителя

ко: создание «социалистической столицы пролетарского государства». Этот императив — развития Москвы без малейшей оглядки на национальный и исторический контексты ее истории и культуры — нельзя, увы, объяснить только настроениями вождей. Идея коммунистического мессианизма, по сравнению с величием которой реальная русская историческая Москва не стоила ровным счетом ничего, овладела массами. Доказательством могут послужить крайне поучительные исследования историка М.И. Астафьевой-Длугач о социальном заказе генплана 1935 года.

В 1930 году Московский отдел коммунального хозяйства провел в городе опрос о будущем столицы. Не вожди и не политработники отвечали на вопросы анкеты — общественность, интеллигенция: архитекторы, ученые, советские служащие. Их мнения не оставляют сомнений: судьба Москвы решалась с политической точки зрения даже людьми, далекими от политики. «Центр мировой пролетарской революции», «полити-

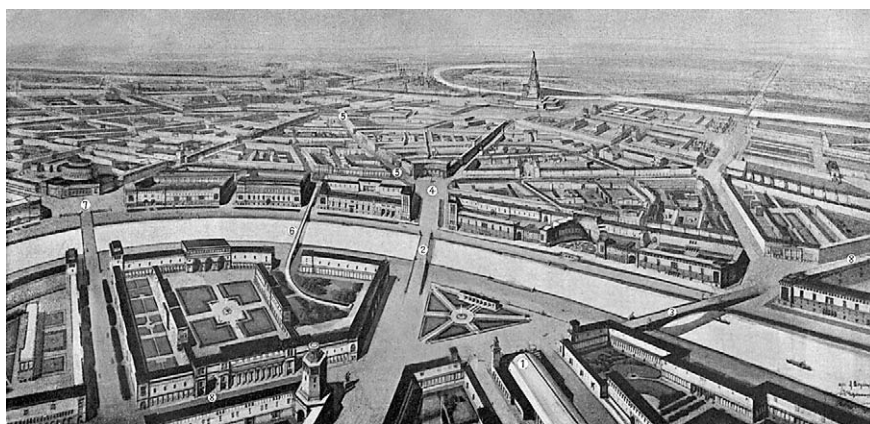
ческий центр СССР», «Чем должна быть Москва в условиях мировой революции» — вот что они писали в анкетах. Шаг ниже по социальной лестнице — почитаем найденные историком в архивах указы московских избирателей 1930-х годов: снести монастырь, разбить сквер; снести церковь, выстроить на ее месте жилой дом; сломать монастырь и вместо него построить «соответствующее нашей архитектуре здание».

ВОЙНА ПРОШЛОМУ

Итак, Москву готовили в столицы мировой революции. Могли ли с ней «политически жить» на одной улице памятники дореволюционных эпох? Ответ очевиден. Они, по отзывам печати тех лет, то портили «всю площадь, придавая ей религиозно-самодержавный вид», то загораживали дорогу в светлое будущее как «идеологическая крепость старого проклятого мира». Количество московских памятников, официально состоявших под государственной охраной, стремительно сокращалось. В 1925 году их было еще 474, в 1928-м — 216, в 1932-м — 104, в 1935-м — всего 74.

Кроме всех мыслимых и немыслимых внутренних и внешних врагов, Советское государство 1920—1930-х годов нашло себе мистического врага — Историю. Но Клио — девушка эфемерная, ее не поставишь к стенке. А памятники истории вполне реальны. И пали они жертвою в борьбе роковой...

Если добиться полного уничтожения «обломка проклятого прошлого» не удавалось, его «нейтрализовывали», т.е. уродовали, сбрасывали купола, «состригали» колокольню. Был и другой метод — застроить старинный храм, отделить его от людных улиц. Если не хватало средств, в ход шли лозунги и плакаты, скрывающие старину от людских глаз.

Панорама Фрунзенского района Москвы по Генеральному плану 1935 года. Вид из Дорогомилова в сторону центра города. Узнается только здание Киевского вокзала (справа у нижнего края кадра, под № 1). Исторической Москве на этом плане нет места

Содержание

От автора	5
-----------------	---

Часть I

МОСКВА ПОГИБШАЯ И ПОГИБАЮЩАЯ

<i>Глава 1. Мысли на развалинах Третьего Рима</i>	<i>7</i>
О пользе разглядывания старинных фотографий	7
О пользе чтения журнальных статей	8
О пользе сравнения причин и следствий	8
О пользе теории старца Филофея	9
О пользе противостояния прогрессу общества	11
<i>Глава 2. Власть утопии</i>	<i>12</i>
Не Рим	12
Почему же она мешала?	13
«Всем все было ясно, что было удивительно»	14
Соблазн атеизма	15
Поэма в красных линиях	16
Где живет пролетариат?	17
В столице Третьего Интернационала	17
Война прошлому	18
Вожди	19
Защитники	19
Главному архитектору от главного москвича	20
<i>Глава 3. Утопия власти</i>	<i>20</i>
Прозрение	20
Сказка осталась сказкой	21
Образцовый исторический город	22
Конструктор «Лего-Москва»	23
Жертвы творчества	23
Под пятой «прогрессоров»	24

Часть II

УНИЧТОЖЕННЫЙ КРЕМЛЬ

<i>Глава 4. Как нам реорганизовать Акрополь</i>	<i>26</i>
Тогда считать мы стали раны... ..	26
Кремль при Ленине	26

Кремль при Сталине, Хрущеве и их наследниках	28
---	----

<i>Глава 5. Собор Спаса на Бору</i>	<i>29</i>
Номер один	29
В центре нового Рима	30
Комнатная обитель	31
Придворный собор	32
Кремлевский патриарх	33
По личному указанию Сталина	37

<i>Глава 6. Чудов монастырь</i>	<i>38</i>
Легенда и смысл	38
История	39
Центр русской культуры и просвещения	44
Знаменитые люди	46
Советские годы	48
Архитектурный ансамбль	51
Собор Чуда Архангела Михаила в Хонех	52
Церкви Алексия Митрополита и Благовещения	56
Митрополичий корпус	60
Другие здания	61

<i>Глава 7. Вознесенский монастырь</i>	<i>62</i>
История	62
Царственный некрополь	66
Лики прошлого	68
Советские годы	69
Архитектурный ансамбль	70
Вознесенский собор	71
Церковь Михаила Малеева и колокольня	75
Екатерининская церковь и другие здания	76

<i>Глава 8. Андреевский и Александровский залы Большого Кремлевского дворца</i>	<i>78</i>
Палладиум славы	78
Зал Александра Невского	78
Зал Андрея Первозванного	79
Гибель и воссоздание	79

<i>Глава 9. Малый Николаевский дворец</i>	80
Архиерейский дом	80
Господа, вот вам новый Пушкин	80
Достойный царственных особ.....	82
Война дворцам.....	83
<i>Глава 10. Памятник императору</i>	
Александру II	86
Конкурс	86
С широко закрытыми глазами	87
Впечатления	88
Третье пришествие Ленина	90
<i>Глава 11. Храмы на Кремлевском Подоле</i>	91
Церковь Константина и Елены	91
Церковь Благовещения на Житном дворе	93
<i>Глава 12. Красное крыльцо</i>	97
Куда оно вело	97
Что оно видело	98
Новые времена	99
Как оно выглядело	100
В.И. Ресин в 1842 году	101
Гибель Красного крыльца	102
Как его восстановили	102
<i>Глава 13. Ограда Соборной площади</i>	103
<i>Глава 14. Жертвы Дворца съездов</i>	104
Оружейная палата у Троицких ворот	105
Кавалерские корпуса	110
Синодальный корпус.....	112
<i>Глава 15. Памятник великому князю Сергею</i>	
Александровичу	113
Кремль. 1905	113
Иерусалим. 1888—1921	114
Кремль. 1908	115
Кремль. 1918	116
Москва. 1998	117
<i>Глава 16. Кремлевские гауптвахты</i> и кордегардии.....	117
<i>Глава 17. Кремлевские часовни</i>	119
Часовни у Спасских ворот	119
Часовни у Никольских ворот	120
Часовня у Боровицких ворот	122
Печерская часовня у церквы Ризположения	123
<i>Глава 18. Стрельница Тайницкой башни</i>	124
Кремлевский тайник	124
«Прости, престольный град»	126
«Неизменно отгонял милиционер»	128

Часть III КИТАЙ-ГОРОД

<i>Глава 19. Китайгородская крепость</i>	129
Стены Китай-города	129
Козьмодемьянская и Угловая Москворецкая башни	140
Варварские ворота и Боголюбская часовня	144
Граненая башня	147
Ильинские ворота и часовня Сергия Радонежского	150
Богословская башня	152
Никольские ворота	153
Угловая башня на Лубянской площади	157
Круглая башня на Театральной площади	158
Воскресенские ворота и Иверская часовня	159
<i>Глава 20. Никольская улица</i>	163
Казанский собор на Красной площади	163
Никольский собор Никольского греческого монастыря	172
Церковь Троицы в Старых полях	173
Церковь Владимирской Божьей Матери на Никольской улице	174
Часовня Пантелеймона Великомученика	176
<i>Глава 21. Ильинка</i>	178
Теплые ряды	178
Церковь Николы Большой Крест	179
Церковь Ипатия Гангрского	181
<i>Глава 22. Москворецкая улица и Зарядье</i>	181
Церковь Николы Москворецкого	181
Часовня Всемиловитового Спаса на Москворецкой улице	183
Церковь Николы Мокрого в Зарядье	184
Палаты XVII века в Зарядье	186

Часть IV БЕЛЫЙ ГОРОД

<i>Глава 23. Моховая улица</i>	187
Церковь Ирины Мученицы и архив МИДа на Моховой улице	187
Церковь Георгия на Красной горке	188
«Ректорский дом» Московского университета ...	190
Часовня Александра Невского на Моисеевской площади	190
<i>Глава 24. Охотный Ряд, Воскресенская</i> и Театральная площади	192
Дом Голицына в Охотном Ряду	192
Церковь Параскевы Пятницы в Охотном Ряду ...	197
Гостиница «Москва» и «Гранд-отель»	202
Сенатская типография и Большая Московская гостиница	203

<i>Глава 25. Волхонка и Знаменка</i>	204	Вознесенский собор Варсонофьевского	
Церковь Николы Стрелецкого	204	монастыря	262
Церковь Похвалы Богородицы в Башмакове	206	Сретенский монастырь	263
Храм Христа Спасителя	207	<i>Глава 32. Лубянская площадь и Мясницкая</i>	
Церковь Знамения на Знаменке	224	улица	270
Церковь Ржевской Божьей Матери		Церковь Гребневской Божьей Матери	
на Пречистенском бульваре	224	на Мясницкой улице	270
Шталмейстерский дом	225	Златоустовский монастырь	272
Церковь Тихона Амафунтского у Арбатских		Дом Зайцева в Лубянском проезде	277
ворот	226	Церковь Евпла Архидиакона на Мясницкой	
<i>Глава 26. Воздвиженка</i>	227	улице	277
Крестовоздвиженский монастырь	227	Церковь Флора и Лавра у Мясницких ворот	280
«Военторг» и палаты XVIII века	230	Тургеневская библиотека	281
Гостиница «Америка»	231	Бородинская панорама	282
Дома 6 и 10 по Никитскому бульвару	232	<i>Глава 33. Маросейка, начало Покровки</i>	
Церковь Бориса и Глеба у Арбатских ворот	232	и Солянка	283
<i>Глава 27. Большая Никитская</i>	236	Церковь Николы в Столпах и мавзолей	
Никитский монастырь	236	Артамона Матвеева	283
Никитский собор	236	Церковь Воздвижения Креста в Армянском	
Усадьба Меццеских на Большой Никитской	238	переулке	285
Усадьба Глебовых-Стрешневых-Шаховских	239	Церковь Успения на Покровке	287
<i>Глава 28. Тверская улица и окрестности</i>	240	Смоленская церковь при доме Щербатовой	290
Дом Прозоровского на Тверской	242	Церковь Кира и Иоанна на Солянке и часовня	
Тверской частный дом	242	Саввы Сербского	291
Церковь Николы в Гнезdnиках	243	Часть V	
Церковь Дмитрия Солунского на Страстной		ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОД	
площади	244	<i>Глава 34. Остоженка и Пречистенка</i>	293
Усадьба Андреевых в Брюсовом переулке	246	Церковь Сошествия Святого Духа	
Дом Римских-Корсаковых на Тверском		у Пречистенских ворот	293
бульваре	247	Дом у Пречистенских ворот	294
Дом Кологривовых на Тверском бульваре		Зачатьевский монастырь	294
и палаты XVII века	248	Дом Таля в Молочном переулке	296
<i>Глава 29. Большая Дмитровка</i>	249	Крымский мост	297
Георгиевский монастырь	249	Павильон, ворота и служба усадьбы	
Дом типографика Селивановского	251	Хрущевых — Селезневых	298
Дом №12 по Столешникову переулку	251	Спасо-Божедомская церковь	299
Церковь Сергия на Большой Дмитровке	252	Церковь Троицы в Зубове	300
Палаты XVII века на Страстном		<i>Глава 35. Арбатская страна</i>	302
бульваре	252	Церковь Иоанна Предтечи	
<i>Глава 30. Петровка и Неглинная</i>	253	в Староконюшенной	302
Дом Анненковой на Петровке	253	Церковь Покрова в Левшине	303
Церковь Рождества Богородицы		Дом Поливанова на Сивцевом Вражке	304
в Столешниках	254	Дом Герцена на Сивцевом Вражке	305
Дом Белинского	255	Дом Аксакова на Сивцевом Вражке	305
<i>Глава 31. Большая Лубянка</i>	256	Дом адвоката Плевако	306
Церковь Введения в Псковичах	256	Церковь Николы Явленного	306
Дом князя Голицына на Большой Лубянке		Церковь Николы в Плотниках	311
(дом князя Пожарского)	259	Церковь Николы на Песках	312
Церковь Иоанна Предтечи на Малой		Дом Щепочкиной	313
Лубянке	262	Дом Хвошинской на Арбате	313
		Церковь Троицы на Арбате	314

Собачья площадка. Дом Хомякова. Фонтан	316
Церковь Иоанна Предтечи в Кречетниках	318
Церковь Николы на Курьих Ножках	319
Церковь Бориса и Глеба на Поварской улице	320
Церковь Ржевской Богоматери на Поварской	321
Дом Гагарина на Новинском бульваре	321
 <i>Глава 36. От Кудринской площади до Старых</i>	
Триумфальных ворот	323
Колокольня церкви Большого Вознесения	323
Церковь Георгия на Всполье	324
Церковь Рождества в Кудрине	325
Дом Майковых в Гранатном переулке	327
Церковь Воскресения Словущего в Бронной слободе	327
Дом архитектора Харькова на Тверском бульваре	328
 <i>Глава 37. Тверская улица и Малая Дмитровка</i>	
Тверская улица в Земляном городе	329
Дом Римских-Корсаковых на Страстной площади	329
Страстной монастырь	331
Церковь Рождества в Палашах	334
Церковь Благовещения за Тверскими воротами	335
Церковь Ермолая на Козьем болоте	337
Церковь Св. Спиридона Тримифунтского на Козихе	338
Церковь Пимена в Старых Воротниках	339
 <i>Глава 38. От Старых Триумфальных до Красных</i>	
ворот	342
Дом Сухово-Кобылина на Страстном бульваре	342
Церковь Спаса Преображения в Каретном Ряду	342
Дом Щепкина в Большом Каретном переулке	344
Церковь Николы в Драчах	344
Церковь Сергия в Пушкарях	345
Церковь Спаса Преображения в Пушкарях	347
Сухарева башня	347
Церковь Панкратия Священномученика	359
Церкви Николы и Сошествия Святого Духа в Мясниках	361
Красные ворота	362
Церковь Трех Святителей в Огородниках	369
 <i>Глава 39. Покровка и Воронцово поле</i>	
Церковь Иоанна Предтечи в Казенной слободе	370
Дом Татищева в Большом Казенном переулке	372
Церковь Николы в Воробине	372
Церковь Покрова на Воронцовом поле	374
Церковь Николы в Кошелях	375

<i>Глава 40. Заяузые</i>	376
Церковь Стефана Архидиакона за Яузой	376
Церкви Косьмы и Дамиана Старого и Нового в Гончарах	377
Церковь Спаса Всемилоственного в Чигасах	378
Церковь Воскресения в Гончарах	380
Гостиный двор на Таганской площади	382

Часть VI ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

<i>Глава 41. Остров</i>	383
Винно-Соляной двор	383
Палаты XVII века на Софийской набережной	384
Церковь Косьмы и Дамиана в Нижних Садовниках	385
Церковь Николы в Пупышах	386

<i>Глава 42. Большая Якиманка</i>	387
Церковь Иоакима и Анны на Большой Якиманке	387
Часовня Иоанна Воина на Бабьем городке	387
Церковь Петра и Павла на Большой Якиманке	388
Церковь Спаса Преображения в Наливках	390
Церковь Казанской Богоматери у Калужских ворот	391

<i>Глава 43. Большая Полянка и Большая Ордынка</i>	394
Дом Прозоровского на Большой Полянке	394
Ансамбль Кадашевской набережной	394
Историческая застройка Кадашевской слободы	395
Палаты XVIII века на Большой Полянке	396
Дом Аполлона Григорьева	396
Церковь Косьмы и Дамиана в Кадашах	397
Усадьба в 1-м Казачьем переулке	398
Флигель дома Долгова и палаты при церкви Всех Скорбящих на Большой Ордынке	398
Святые ворота церкви Климента	399
Дом А.Н. Островского на Житной улице	401

<i>Глава 44. Пятницкая и Новокузнецкая улицы</i>	401
Церковь Параскевы Пятницы на Пятницкой улице	401
Дом Самгиных на Пятницкой улице	403
Церковь Никиты Мученика в Старых Толмачах	403
Церковь Воскресения в Монетчиках	404

Часть VII В ЧЕРТЕ КАМЕР-КОЛЛЕЖСКИХ ВАЛОВ

<i>Глава 45. От Калужской заставы до Тверской</i>	405
Церковь Благовещения на Бережках	405

И.К. Айвазовский. Вид на Москву
с Воробьевых гор. 1848

Вид Кремля от Москворецкого моста.
Акварель И. Вейса. 1852

И.А. Пелевин. Лубянская площадь в Москве
осенью. 1894. В центре — Никольские
ворота Китай-города

